ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

орган федерации об'единений советских писателей рсфср

Москва 15 июля 1931 г. № 38 (137)

РЕДАКЦИЯ:
Москва, Тверской б. 25, Дом Герцена. Телефон 2-60-12.

ИЗДАТЕЛЬСТВО:
Акц. о-во «Огонек»; Москва, 6, Страстной б. 11. Телефон 5-5169.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:
На 12 м. 3 р. 50 коп.
На 6 м. 1 р. 75 к.
На 3 м. - р. 90 к.

за работу по-новому

Приближается окончание летнего затишья в советской писательской общественности, — затишья, связанного с отпусками и творческими поездками ведущих писательских кадров. Новые и усложненные задачи выдвигаются перед федерацией об'единений советских писателей. Изменилась и вздоровилась — по сравнению с предшествующими годами — литературная среда. Между тем, именно в писательской общественности с особенной силой проявляется несоответствие прежних методов работы новым задачам, — именно здесь с особенной силой сказываются старые, зажившие себя навыки и традиции работы. Молчаливо предполагается, что в писательских организациях необязательны — внутренняя дисциплина, ответственность за выполняемое дело, соответствующие темпы работы. На предприятии, в колхозе, в учреждении, в любой иной общественной организации были бы недопустимы те вопиющие случаи безответственности, расхлябанности, безтолковщины, которые сплошь да рядом в писательских организациях оказываются бытовым явлением. Эти «традиции» должны быть решительно сломлены.

В чем ГЛАВНАЯ причина подобных явлений? В том, что многие писательские организации живут и работают в значительной мере ЗАМКНУТО, что их органическая повседневная связь со всей пролетарской общественностью далеко НЕДОСТАТОЧНА. Влияние литературной среды на писателя, на весь процесс перестройки писательской работы — велико. Тенденции отдельных писателей и писательских групп организовать свою творческую деятельность в отрыве от литературной среды, в одиночку, индивидуалистически заслуживают резкого осуждения, ибо они являются пережитком представлений о писателе, как о кустаре-одиночке. Писательская общественность является могучим организатором всей писательской работы. Но это никак не означает, что писательские организации могут заменить для писателя его непосредственную связь с предприятием или колхозом, — отнюдь! А у нас нередко бывает так, что работа внутри писательских организаций поглощает все время значительных писательских групп, — тем самым бюрократически извращается само существо советской писательской общественности. Неизбежным следствием такого положения оказывается отрыв значительных писательских кадров, перегруженных заседательской суетней, и от творческой работы, и от непосредственного включения в практику социалистического строительства, а с другой стороны — рост индивидуалистических настроений, использующих уродливости заседательской суетни для того, чтобы увильнуть от ВСЯКОГО участия в работе писательской организации, от ВСЯКОЙ общественной нагрузки.

Заседательской суетне должен быть положен конец. КАЧЕСТВО работы каждой литературной организации должно измеряться умением увязать эту работу со всей ПРОЛЕТАРСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ, с рабочими массами, с предприятием. Такая увязка необходима прежде всего для ТВОРЧЕСКОЙ работы писателя. Особенно крутой перелом предстоит здесь произвести ВССП.

Затхлость атмосферы в значительных кругах советской писательской общественности зависит в основном от того, что литературная среда в явно недостаточной мере ОСВЕЖАЕТСЯ за счет притока новых сил, что РАБОЧИЙ-УДАРНИК еще не чувствует себя равноправным участником и ХОЗЯИНОМ «Федерации» в целом. История с нереализованным шефством завода имени Владимира Ильича над ФОСП дает хороший урок того, как не нужно относиться к инициативе рабочих масс, как не нужно укреплять связь писательских организаций с рабочими заводов и фабрик. Разве не факт, что до сих пор ни одна из литературных организаций, входящих в ФОСП, не вынесла своих деловых собраний и заседаний непосредственно на предприятия? Разве не факт, что «Федерация» в целом не устроила ни одного общественного выступления вне своих стен? Разве не факт, что выдвижение рабочих в руководящие органы литературных организаций происходит недопустимо медленными темпами, а в ряде случаев носит формальный характер.

Мы печатаем сегодня статью одного из работников издательства «Федерация», поднимающую вопрос об ОБЕЗЛИЧКЕ в работе. Обезличка является бичом не только издательства, она сказывается и во всех других областях работы. Повелось, как правило, что писатель не отвечает за несомую им общественную нагрузку, ибо следствием заседательской суетни является хаос в нагрузках, частая замена одних представителей другими, господство обезлички. У нас фактически нет ПОСТОЯННОГО состава ряда органов ФОСП, этот состав текуч, он обновляется несколько раз в течение года за очень редким исключением. Текучесть состава, отсутствие внутренней дисциплины, отсутствие постоянного контроля над работой, отсутствие ответственности за порученное дело, обезличка, — все это обычно приводит к рабским темпам работы, к топтанию на месте, к невыполнению планов, — все это отражается и на писателе и на читателе.

В приближающийся осенне-зимний период писательские организации должны начать работать по-новому. Это означает прежде всего ликвидацию обезлички и заседательской суетни, органическую увязку с пролетарской общественностью на предприятиях, смелое выдвижение новых кадров (в особенности — рабочих-ударников), преодоление инерции работы, питаемой навыками старой, отжившей свой век и несовместимой с новыми задачами писательской цеховщины.

Сегодня исполняется четыре года со дня революционного восстания в Вене

КНИГА об июльском венском восстании

А. Барта. „350.000“. рассказ-хроника. гихл. 1931, ц. 80 к.

Кто не следил за происходившими социальными процессами в Австрии, тому казалось четыре года назад неожиданным восстание венского пролетариата. Однако, несмотря на то, что оно носило стихийный характер, несмотря на то, что оно застало крайних вождей социал-демократии, оно явилось необходимым, закономерно подготовленным этапом революционного рабочего движения в стране австро-марксизма.

Это особенно ясно становится при чтении рассказа-хроники венгерского пролетарского писателя А. Барта — «350.000», в котором сгущенно передается характер политической атмосферы этого периода.

Жанр этой скорее повести, чем рассказа, продиктован характером тематики. Он определенно публицистичен, в нем еще таится неостывший жар вчерашних классовых боев. Повествование ведется местами в форме неостывшей газетной сводки о вчерашних событиях.

Именно элемент публицистичности в художественной повести придает особую силу и динамичность развитию сложной канвы, начинающейся с мелких эпизодов, которые происходят с отдельными героями повести, и заканчивающейся почти эпической картиной пожара Дворца юстиции и баррикадных боев восставшего венского пролетариата.

Но только эпизоды, приключения тех или иных героев, рекогносцировка полицейских и фашистских отрядов, поход по улицам Вены рабочих масс еще не в состоянии вскрыть страницы классовой борьбы. Необходимо дать точный анализ причин возникновения пожара. Необходимо проследить диалектическую зависимость между политической атмосферой данного момента и движением масс на улицах города.

Барта назвал свою повесть «350.000». Это то самое роковое для австрийской социал-демократии число голосов, которое ей нехватило, но ее уверовало, для того, чтобы установить в Австрии социализм «беспрерывным путем». Это число с течением времени получило мифический характер, характер чудодейственного средства, характер магического знака, которым власти пытались остановить приближение к движению масс. Это число они поднимали высоко, как знамя, и закликали пролетариат идти за ней к царству социализма. Этой своеобразной звездой они усыпляли классовый инстинкт, сами вливаясь под сень которых собирались кучки фашистов. Ибо в то время когда социал-демократы ждали спасительного прилива голосов, фашисты громили рабочие организации и убивали отдельных рабочих.

Фашизм в рабочие массы — вот две силы, которые сталкиваются друг с другом. Но массы не готовы к борьбе. Массы загипнотизированы «путеводной звездой»—350.000 голосов, она сковала закликаниями социал-демократических вождей. В этом была трагедия австрийского рабочего класса и трагедия июльского, закончившегося разгромом, восстания.

Это особенно искусно показано Бартом на судьбе основного героя его рассказа-эпопеи союза обороны, социал-демократа Рихарда, рабочего из числа тех, которые оказались впоследствии на баррикадах у Дворца юстиции. Прелесть его переживаний и поступков, их трансформация под влиянием ряда событий показывают, какими путями шло пробуждение масс, возникновение их революционной активности.

По диаграмме поступков и переживаний Рихарда отмечены ступени перехода от наивных к высшим формам борьбы, от социал-демократа Рихарда к коммунисту Датлю, от безразличного сжатия кулака «350.000» голосов к баррикадным боям у Дворца юстиции, — таков путь масс, таковы тема поэмы Барта, «350.000».

А. Барта — молодой венгерский пролетарский писатель, известный нам по ряду произведений («Миша», сборник рассказов «Пароход в городе» и др.). Его первые произведения носят на себе следы экспрессионизма. Но постепенно он переходит к другому стилю, овладевает искусством описывать события простым, эмоционально насыщенным языком, понятным для широких масс. Уже выпущено на русском языке его вещи, хотя и различные по тематике, спаяны общей тенденцией — показом вызревания классового сознания как у отдельных представителей пролетариата («Миша»), так и целых слоев рабочего класса («350.000»).

В первых своих вещах он показал мастерство в раскрытии психологии своих героев, в последней повести — мастерство в обрисовке сложнейших процессов классовой борьбы.

И эта последняя повесть показывает дальнейший путь писателя к монументальному эпосу героической борьбы западного пролетариата.

еще о шефстве завода им. ильича над фосп

ОСМЫСЛИТЬ и реализовать

Литкружок завода имени Владимира Ильича опубликовал в предыдущем номере «Литературной газеты» письмо, характеризующее состояние шефства завода над ФОСП. **Это письмо, а также высказывания т. Г. Бессонова и секретаря партийной организации завода тов. С. Столповского нужно признать совершенно правильными.**

Приглашаем к обмену и комментарии «Литературную газету».

Почти год назад работяги завода им. Ильича взяли шефство над литературными организациями ФОСП. Это было новое явление, значение которого выходит далеко за пределы литературной жизни. Между тем, оно (это является) не было достаточно серьезно осмыслено почти ни одной из литературных организаций. Отсюда и только отсюда — все последствия.

Нужно прежде всего понять, что принятие шефства заводом им. Ильича над ФОСП — не частный факт. Это дело, которое должно было стать достоянием всего литературного движения СССР, дело, неразрывно связанное с призывом ударников в литературу, с задачей создания новых литературных кадров, новой литературной среды. Шефство заводских предприятий должно было и может, — при правильной постановке, — сыграть крупную роль в перестройке литорганизаций, в создании нового типа писателя.

Таким образом завод им. Ильича является зачинателем важнейшего культурно-политического дела.

Именно поэтому завод им. Ильича должен был стать базой опытной работы литературных организаций и ФОСП в целом: именно здесь надо было показать пример того, как может и должен работать писатель на предприятии. Это тем более возможно, что завод находится в Москве, где сосредоточены руководящие органы литературных организаций и крупные писательские кадры.

Не отсюда нашему. Ничего или почти ничего в этом **направлении не сделано.** Даже РАПП, которая быстрее других литорганизаций откликнулась на призыв рабочих и больше других понимает смысл и задачи шефства, — даже РАПП, имеющая богатый опыт работы на предприятиях, крайне недостаточно работала на заводе им. Ильича. Очень немногое работал т. **Шушканов,** работали, хотя и менее немногое, тт. **Ильенков, Ибах** — и этим дело ограничилось.

Я не говорю уже о Союзе советских писателей, который на заводе ничего не делал и не делает. И это в то время, когда связь с рабочими, связь с производством, участие в практике социалистического строительства, создание новой среды — являются одной из важнейших предпосылок перестройки писателя-попутчика и перестройки всего Союза советских писателей.

Очень мало и очень случайно работали на заводе руководящие работники и актив ФОСП. Мы не всегда в курсе жизни, работы и борьбы завода за пятилетку. Мы мало знаем историю завода (а надобно ее знать), не знаем, как проходит процесс реконструкции завода, не знаем его рабочих.

Литкружок завода им. Ильича в своем письме пишет: «За май месяц наш завод выполнил промфинплан за 59 процентов. ФОСП об этом знал, но ничего не предпринял».

Нет, ФОСП об этом не знал, и это наиболее вопиющий факт, характеризующий нашу оторванность от повседневной практики завода. В такой момент мы обязаны были мобилизовать свои силы и показать образец действительно боевой работы на заводе. Этого не было.

Наряду с этим нужно признать (это признают и литкружок, и секретарь ячейки завода), что наличные свои обязательства по шефству над ФОСП ни в какой степени не выполнили. Общественная организация завода относится к шефской работе невнимательно, не проверяет выполнения обязательств, принятых на себя заводом. До сих пор нет представителя завода в руководящих органах ФОСП. Ни нет ни в Секретариате, ни в Исполбюро ФОСП, ни в редколлегии «Литературной газеты», ни в правлении нашего клуба, ни в редколлегии «Красной новы» — органе ФОСП, — их нет, несмотря на все наши настойчивые требования.

По представительство — это вообще мало. Надо, чтобы рабочие вошли органически в ФОСП и оказали свое влияние на всю систему нашей работы. Этого нет. Чем это объясняется? Объясняется, мне кажется, тем, что сама идея шефства над литорганизациями осмыслена только литкружком да небольшой группой литкружков завода, но она не стала достоянием всей партийной ячейки, всех общественных организаций и всего заводского коллектива.

Надо идею шефства, задачи, смысл и практический план шефской работы сделать популярными среди всех рабочих, надо создать ядро активистов, энтузиастов этого дела. Общественные организации завода под руководством своей партийной организации должны осуществить контроль над выполнением шефской работы.

В литорганизациях же и в ФОСП необходимо преодолеть опортунистическую недооценку значения шефства. **Нам нужно создать в ФОСП актив таких писателей, для которых работа на заводе им. Ильича была бы любимым делом, делом чести.**

Лето — неблагоприятное время для широкой общественной работы литорганизаций, потому что подавляющая часть писателей находится вне Москвы. И все же нам нужно обязательно добиться резкого перелома в этом деле или по крайней мере в любом случае подготовить условия для развертывания этой работы с осени. **Красная книга завода им. Ильича должна быть и будет написана.**

В ближайшие же дни ФОСП и завод им. Ильича должны совместно взяться за проверку исполнения наших планов, резолюций и деклараций.

Что касается важнейшего вопроса о формах шефства, то полагаем, что формы эти определятся в процессе постоянной связи между заводом и литорганизациями. Были бы только эта живая связь и взаимная работа. Это главное.

Г. КОРЕНЕВ

РОМЕН РОЛЛАН[1]

прощание с прошлым

„Мы печатаем первую главу из последней статьи Ромена Роллана «Прощание с прошлым». Она характеризует один из наиболее знаменательных этапов в жизни писателя — после сложной внутренней драмы, пережитой в годы империалистической войны, и долгих мучительных поисков, автор «Жан-Кристофа», прощаясь с прошлым, порвав со старыми навыками буржуазной интеллигенции, без колебаний поворачивается лицом к СССР, приветствуя в лице советского пролетариата строителей новой жизни. — „Теперь — говорит он в замечательных страницах „прощания с прошлым“, — я нашел свой путь, он быть может еще не окончен, но стрелка моего компаса показывает на север, на цель, к которой устремляется авангард Европы и которая является залогом социального и морального перерождения всего человечества».

Я должен был недавно перечесть две серии моих статей, написанных между 1914 и 1919 гг., названных под двумя различными заглавиями: «Над схваткой» и «Предтечи», несмотря на то, что в них одна и та же последовательность действенных мыслей, которые своей действенностью вызвали в свое время немало страстей. Я пробегал также свой Дневник того времени, тридцать незадавшихся его тетрадей, которые содержат в себе много материалов и размышлений, могущих послужить пояснением для этих статей и дать ключ к душевной драме. Я закончил чтение и чувствую себя теперь точно после долгого и трудного путешествия, не кончившегося с войной и все еще продолжающегося вот уже семнадцать лет.

О! Об этом, конечно, даже и не догадываются те, кто потерял мой след в 1914 году, считают, что догнали меня, достигнув через семнадцать лет той точки, которая для меня была отправной, когда в сентябре 1914 г. я писал «Над схваткой». Нет! То было лишь начало пути, который не знает отдыха и который я усеял вырезками с корнем предрассудками, заблужениями иллюзиями, сметенными дружбами... А цели я не достиг! Когда дойдешь до нее, то незаметно будешь лег, как подобает тому, кто готов лечь в землю.

Когда-нибудь, если время позволит, я расскажу обо всем этом пути, занявшем годы 1914—1931. Это будет **исповедь,** в которой найдет свое отражение целое поколение одного из классов Запада, уже обреченного на гибель, — той правящей буржуазии, пронизанной идеологию которой мы помогали уничтожить, чтобы освободить место для мощных ростков новой жизни. А теперь я ограничусь очерком эволюции мысли за четыре года войны. «Начать — это значит сделать», — говорит пословица. Каким бы робким ни показался впоследствии первый шаг, он предрешил все последующее. Жребий брошен... Идя! Теперь уж остановиться нельзя...

Человек, отправившийся в путь в первых числах августа 1914 г., не мог предвидеть, о чем ему придется рассказать, что он найдет, какие он оставит за собой горизонты, какие откроет... Путник принял изгнанника... Он вышел из той старинной французской буржуазии, из той старинной французской провинции, которая воспитывалась в законном религиозном преклонении перед родиной и революцией (перед **одной** только революцией — 1789 года! Французская буржуазия и знать не хочет иных, былых революций, отрицает и последующие. Так как революция 89 года — **ее революция** — дала французской буржуазии достигнуть вершины своей судьбы, то она считала, что судьбы исполнились: революция порабощена...).

Одна из этих двух религий, сочетавшихся под звуки Марсельезы и грохот пушек у Вальми. — Родина только что освежила свои слабеющие силы в кровавой бане 1870 года. Ее алтарем служила укутанная траурем статуя Страсбурга на площади Согласия. В ее честь слагали (и особые нефы) и железные гимны нарисен слово «Реванш». Другая — Республика — со времен президента Гевэ и дня его Вальсона — сожала в собственном доме, как заключенная разбойника, украшенная орденами. (Она даже стала симулировать этими орденами). То был официальный культ, вполне усвоившийся в государственное кресло и получивший свое освящение в 1889 году, в знаменое празднество Бастилии, которую за сто лет до этого взяла крупная буржуазия и которую она снова воздвигла в виде нетронутого шкафа. В храме Республики всегда парила сладострастная путаница. И со стираемого до только дня? Об этом следует напомнить: когда поднялся нож Термидора, Революцию 89 года обкуривали пагубные авантюристы, подготовившие Директорию и Наполеона. И это продолжается и далее с одинаковой последовательностью, методически и торжественно детьми, внуками и правнуками жирондистов и якобинцев, примирившихся друг с другом на денежных мешках и именных тех, кого они гильотинировали, именных, которые стали именоваться «национальными имуществами». Разжирев, они добросовестно уничтожили «тощих» Коммуны и продали душу Пакаме... Понятно, что гражданский катехизис, преподаваемый в спархии подобных заправ, прилично щекотал нос и господина Лояльно-Мыслящего[2] и его почтенного учителя — Тартюфа!...

Только начинающий преподаватель, я в те «полмелкие» годы принужден был по своей службе внушать светскую мораль по такой программе, но больше года не выдержал. А сколько поколений принудительно глотали эти дольные пилюли! По всем стенам красовались лживые идеи в виде тройного девиза из розовых слов «Свобода, Равенство и Братство!»... И все же, и все же!.. Сколько простых людей наивно и чистосердечно этому верили. Они родились под счастливой звездой, так как им не пришлось подвергнуть рассвинцованному испытанию своих «любых богов». Обычная участь средней буржуазии — пока кругом спокойно, жить себе потихоньку, скромненько, честно, за работой, за плотно закупоренными ставнями, не замечая идиотов, без толчков и всяких потрясений...

Толчок раздался, хотя никто его не предсказывал. То было внезапное потрясение дела Дрейфуса. Как тюрьмы, бросались друг на друга два сочетавшиеся плода: Родина, Революция. Официальные маски были сорваны, в два минуту явились подлинные лики Справедливости, Свободы, а также лик Силы, обеих Сил: Революции и Армии. — Заклинания со всех сторон. Для непривычного народа ветер Правды очень опасен. Несколько месяцев бредила Франция под наплывом писателем, и все, казалось, затрещало, кое-что и сожгем не оправился от этого потрясения. Примирить столкнувшиеся в поединке верования уже не удавалось, а без них обоих обойтись было нельзя. Но так как сил нехватало погрузиться в проблему до дна, то по скрытому, безмолвному соглашению кризис ликвидировали. Без лишних слов сторговались между собой оба враждовавшие, но равно поддельные кумиры, чувствуя потребность найти друг в друге взаимную опору. И, истощив свои силы, они вновь улеглись за перину шлейных компромиссов. Компромиссы отечества, справедливости, свободы и цивилизации, под флагом которых прятались проделки политического владыки — капитала, предательство тайных договоров, распоряжавшихся народами, беспрерывный грабеж всей остальной земли, уплаченный великими державами.

Около 1900 года мы восстали против этого компромисса — горсточка молодежи, и я в том числе, вместе с Пеги. Опьяненность чистотою, стоическая, бесстрастной правдой жила белым своим пламенем часть лучших людей Франции, носивших на себе печать Бетховена и «Воскресения». Беспрерывно принимал «Двухдесятилетник» (Cahiers de la Quinzaine)[3] взятие в атаку против лжи политики и преступлений цивилизации. Но прежде чем нам зрело сделать выбор между одной из великих идей: Родина, Человечество, которыми мы были поглощены, или сочетать их вместе, мы хотели мстить за профанацию, изгнать торговцев из храма и сделать чистым культ двух богинь-матерей, казавшихся нам сестрами. Изо всей силы трубили Жан-Кристоф и Пеги о мистике действия, о героической религии жизни, которая дана человеку, о всеедном самопожертвовании ради веры в нее — какою бы она ни была.

Одна из тех, кто вышел от этих источников, один из немногих, кто, приобщившись к ним, от них не отрекся, Жан-Ришар Блох, рассказывает в последней своей книге «Судьба Века»— Destin du Siècle (1931 г.):

«Вся наша молодежь прошла под знаком того слова, которое стало нашим девизом, знаком отличительным, нашим знамением: служить... Он господствует над всей духовной жизнью Толстого... Вместе с мистикой дрейфусовских годов Пеги и Жан-Кристоф усиленно взывали вокруг нас крепость человеческих обязательств и нравственного долга... Идеалом нашим было добровольное служение. Самым тяжким наследством этого урока оказалось то, что он помог нам стать в 1914 году покорными подданными[4].

Жан-Ришар Блох, который далее добавляет, что «почти один я избежал этой чрезмерной покорности, потому что, будучи более толстовцем, я обрел на другом берегу служения пылающую свободенность и уединение религиозного сознания»[5], может себе представить, с каким напряженным вниманием и смотрел, как в августе—сентябре 1914 года мои друзья, мои младшие братья ринулись в ту ярмарку, которую Кристофу удалось перешагнуть... А разве они не шли по его следам?

Да, шли! У него только времени нехватило, чтобы их перевести на другой берег... Вот какое письмо, полное благородства, написала мне 25 августа 1914 года мать одного из них, мать прекрасного юноши 22—23 лет, доброго, мягкого, великодушного, который был убит при одной из самых первых схваток в Лотарингии:

«Немецкая пуля только что убила нашего единственного сына. Перед своим уходом он несколько раз выражал желание написать вам. Я не знаю, успел ли он сделать это в последнюю минуту, и в сомнении, сама сообщаю вам, что переживал он и многие из его друзей, которые, может быть, также убиты. Вся эта прекрасная молодежь обрела в ваших книгах ту силу, тот героизм, которые убиваются слишком развитым критическим духом нынешнего воспитания. Ваши произведения создали из них настоящих последователей, которых ваш клинок помогал вам обновлять реальностью жизни, и вы властно помогали им найти то радостное одушевление, которое им позволило мужественно отправиться на войну, не оглядываясь отрочно на то, что они покидали себя оставляли. Красота их благородной жертвы поможет оплакивающим их примириться с их смертью и со всеми бедствиями, которые сулит нам эта ужасная война. Мне хотелось сообщить вам, чем они вам обязаны и выразить вам их благодарность».

От такой благодарности у меня разрывалось сердце...

О, когда я слышал, как все эта Буржуа и Барресы восторгались героизмом самопожертвования, расцвеченного блеском дня войны, я из глубины сердца кричал им: «Жалкие люди! Это мы посеяли эти добродетели в сердцах этих юных героев! Это нами уготовлены эти жертвы... Но не для вас! Не для вашей войны! Ваша война ничего не сознала. Ваша война их только убила!.. «И вот она, та трагедия человека, который написал «Над схваткой».

Героическое поколение 1914 года состояло из наших младших братьев, наших учеников, наших сыновей. Мы их воспитали. Но нам нехватило времени, чтоб указать им путь. Мы не могли. И надо сознаться, что мы сами этого пути не знали. До последнего часа мы стояли нерешительно на перекрестке двух дорог[6].

Таковы мои исповедь, — исповедь целой эпохи. Себя мне нечего щадить больше, чем других! В первые дни августа ни одна из нас не мог преодолеть убийственного смешения двух идеалов: родина, человечество. А мы не хотели жертвовать за тем, ни другим. Нас опутывала обманчивая надежда, что их можно гармонически сочетать. Говоря «мы», я подразумеваю не только интеллигентов, которые вечно говорят «мы начали». И имею в виду людей активных, таких не мало знаю, и из числа тех, которые потом искали первые роли в государстве. И сам Жорес до последнего дня не мог сделать выбора между римским идеалом вооруженной нации и идеалом восставших и братающихся народов.

Итак, сразу перед нами разверзлась пропасть... Выбирай!.. А выбирать уже было поздно. Выбор был сделан за нас, без нас. Так, чудовищным прошлым пожирается будущее.

[1] Эти страницы написаны мной для иностранного издания моих статей, появившихся во время войны: «Над схваткой» и «Предтечи». Но когда я писал эти страницы, мне пришлось вновь мысленно пересмотреть тот путь, который был пройден мною не только во время войны, и в целом от 1914 до 1931 г. Из моих размышлений составилась целая глава, которая, вероятно, найдет свое место в моей книге «Исповедь», которая появится после моей смерти.

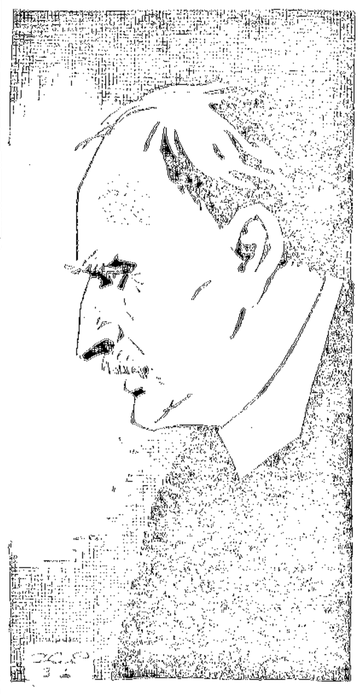
[2] Лояльно-Мыслящий — прозвище судебного пристава на пьесы Мольера.

[3] Двухдесятилетний журнал, издававшийся Шарлем в Париже. (Примечание переводчика).

[4] «Толстой или добровольное служение». (Из серии эссеев Р. Роллана — «Жан-Кристофа». Пр. ред.). Правда, с годами Кристоф поумнел: «Над схваткой» пишет («Пасквиль»). Однако, новые читатели остались на полпути.

[5] Статьи этой предварительности — два снаменских близнеца: Кристоф и Оливье. Один, Оливье, отказывается от войны, другой, Кристоф, лезет сам на войну («Гомер»). (Из серии эссеев Р. Роллана — «Жан-Кристофа». Пр. ред.). Правда, с годами Кристоф поумнел: «Над схваткой» пишет («Пасквиль»). Однако, новые читатели остались на полпути.

[6] Символ этой нерешительности — два снаменских близнеца: Кристоф и Оливье. Один, Оливье, отказывается от войны, другой, Кристоф, лезет сам на войну («Гомер»). (Из серии эссеев Р. Роллана — «Жан-Кристофа». Пр. ред.). Правда, с годами Кристоф поумнел: «Над схваткой» пишет («Пасквиль»). Однако, новые читатели остались на полпути.



РОМЕН РОЛЛАН

Бернард Шоу приезжает в СССР

Генеральный секретарь Международного об'единения революционных писателей т. БЕЛА ИЛЛЕШ получил телеграмму от БЕРНАРДА ШОУ, в которой Шоу сообщает о своем предстоящем приезде в СССР с целью ознакомления с социалистическим строительством Союза советов. БЕРНАРД ШОУ ПРИЕЗЖАЕТ В МОСКВУ В ДВАДЦАТЫХ ЧИСЛАХ ИЮЛЯ.

Федерация об'единений советских писателей готовит встречу советских писателей с Шоу.

МОЛОДОГВАРДЕЙЦЫ — ЦК ВЛКСМ

Совещание творческих кадров журнала «Молодая гвардия» шлет пламенный привет руководителю многомиллионного комсомола — ЦК ВЛКСМ.

Собравшись по окончании 11 пленума ЦК ВЛКСМ, писатели, поэты, очеркисты и критики — «молодогвардейцы» поставили в центре своего внимания решительную перестройку всей работы журнала, поворот журнала к разрешению задач, выдвинутых пленумом ЦК.

Художественным словом, образцами большого искусства большевизма журнал станет одним из орудий идейно-большевистского воспитания молодежи, добиваясь 100-процентного вовлечения рабочей молодежи в ряды ленинского комсомола.

ГОТОВЯТСЯ К МАНЕВРАМ

Для отражения в литературе работы войск в обстановке, приближающейся к военному времени, писатели ЛОКАФ включаются в подготовку к маневрам Красной армии. Организуется несколько писательских бригад для участия в маневрах. В состав бригад входят: А. Гидаш, Ф. Панферов, Ф. Гладков, А. Фадеев, П. Тихонов, В. Сталевский, А. Безыменский, А. Новиков-Прибой, Юр. Либединский, М. Шолохов, Л. Леонов, Борисоглебский, М. Чарот, Мурашко, (Белоруссия), Ирман, Панч, Тассо, Годенко, К. Полуян, Иван Ле, (Украина), С. Мстиславский, Громов, И. Ипполитов, Зис Каплинь и др.

за пять дней творческая дискуссия ВССП

Основной причиной, почему конференция ВССП была перенесена на осень, являлось то, что к ней не было проведено широкой массовой подготовки. Майский пленум правления ВССП совершенно правильно указал, что конференция будет успешной лишь в том случае, если перед ней будет развернута широкая творческая дискуссия.

Творческое размежевание, дальнейшая дифференциация рядов союза советских писателей диктуются всеми теми процессами, которые происходят в среде попутничества. Только на основе широкой творческой дискуссии может быть совершен переход к новому этапу в жизни союза. Только на этой основе может быть осуществлена решительная перестройка его, под лозунгом которой должна пройти осенняя конференция ВССП.

Как же идет подготовка, как развертывается творческая дискуссия? — этот вопрос уместно поставить, так как с того времени, когда заседал пленум правления, прошло уже два месяца, и только такой же, примерно, срок остался до конференции.

Попрежнему линию наибольшей активности в делах союза и в творческих вопросах ведет Ленинград. Там мобилизован весь актив союза на проработку творческих вопросов, там начата широкая творческая дискуссия, которой в июля посвящено уже три массовых вечера.

Ленинградцы совершенно правильно понимая свои задачи, сразу же ставят основные принципиальные проблемы — мировоззрения, творческого метода и т. д. У них было или менее отчетливо намечается линия размежевания, подготовляется творческий опыт, прорабатываются вопросы литературно-политического порядка.

Это не значит, конечно, что и в этом вопросом в Ленинграде [illegible] все единство — тогда бы [illegible] дискутировать, тогда бы не стояла задача размежевания и дифференциации.

Однако, мы не собираемся сейчас делать каких-либо выводов из только что начавшейся ленинградской дискуссии, кроме одного: **есть все данные, что ленинградцы придут на конференцию союза подготовленными,** с определившимися творческими направлениями, с проработанными вопросами порядка дня конференции, с определенным отношением к задачам союза.

Так обстоит дело в Ленинграде. **А в Москве?** Что делается в московском отделе союза? **Ничего.**

Это все, что можно сказать про положение в Москве. Что-то наметили, кому-что-то поручили проработать, и этим дело ограничилось. Скажут: «Лето, все раз'ехались». «Об'ективная» чепуха! Лето есть и в Ленинграде, а раз'ехались далеко не все. Есть **все возможности** для того, чтобы начать и в Москве широкую творческую дискуссию (РАПП сумела же это организовать).

Беда не в «об'ективных условиях», а в слабой работе московского руководства, в его инертности, которая становится перманентной.

Однако, наша заметка меньше всего продиктована желанием констатировать это. Мы хотим **помочь** развернуть дискуссию в Москве, а поэтому предлагаем свое участие в ее организации, а также рекомендуем то же самое сделать секретариату ФОСП, которому совершенно необходимо взять под свое руководство **направление** творческой дискуссии в объединяемых им организациях и в ВССП, в первую очередь. Думается, что всем вместе — правлению ВССП, ФОСП и «Литературе» — удастся наметить реальный план творческой дискуссии и быстро его осуществить.

Ленинградцы же не откажут, очевидно, послужить для московской общественным буксиром. Они имеют все основания и возможности для этого.

прием в школы продлен до 15 июля

Ввиду большого количества запоздавших заявлений, прием в ИКПЛИ продлен до 15 июля. За последнюю декаду поступило еще 15 заявлений, из которых 6 принадлежат рабочим и 9—служащим. На 13 июля в портфеле приемной комиссии находится 80 заявлений.

Допущены к приемной конференции: Г. СКАЛЬСКИЙ—рабочий (Белоруссия), Ф. ФЕДОТОВ—рабочий (Средняя Азия), М. ШМИДТ — рабочий (Белоруссия), С. ПАСТУНОВ — рабочий (Москва), Т. РОМАНОВ—рабочий (Москва), К. БАРАТОВ — крестьянин (Узбекистан), Е. УХАЛОВ — крестьянин (Москва), Г. ГАЗАРЬЯН—служащий (Закавказье), А. ШАГНАХМЕТОВ—служащий (Татреспублика), Е. ТАУТКУС — служащая (Москва). Х. ТУХВАТУЛИС — служащая (Татреспублика). Д. ЮЛТАЕВ — служащий (Башкирия).

расширенное исполбюро фосп

16 июля в клубе писателей им. Горького, в 18 ЧАСОВ состоится расширенное заседание Исполбюро ФОСП совместно с писательским активом, посвященное вопросу о положении с бумагой для издательств художественной литературы.

На Исполбюро ФОСП выступят с докладами: АРТ. ХАЛАТОВ—от ОГИЗ, МАЛКИН (Комитет по делам печати), БОРОДИН (Союзбумага) и А. СУББОТИН—от комиссии секретариата ФОСП.

На собрание приглашаются все писатели. Явка членов Исполбюро ФОСП обязательна.

ИНСТИТУТ ЛИЯ становится центром большевистской теории

общая работа с ВОАПП и РАПП — основа движения вперед

Развертывание секции литературы, искусства и языка Комакадемии в институте ЛИЯ весной и летом 1930 г. совпало с обострением борьбы против антипролетарской линии РАПП. Во сторону левого ряда группа и группочек, обособившихся в беспартийных «Кузницах», выделился перебежавший из фракционную литературно-политическую группировку «Октябрь».

Институт ЛИЯ, под руководством П. Гриценка, Н. Бесновой, О. Бескина и А. Белкина стал базой этой борьбы. «Лесть и рекламы», развертывавшаяся руководством института, открыто обнажала себя орудием «блока». Именно тогда, чтобы заняться серьезной научной работой, имело развертывание борьбы с механизмом и руководством, руководством института, на три четверти состоящим из членов «Октября», пришлось заняться ликвидацией деятельности «Октября». Центральные институт ЛИЯ с «Октябрем» привело к тому, что редактор «Октября» назвал за собой каждый раз всю работу ЛИЯ; выделились и до этого крайне немногочисленные кадры, почти замерли учебные работы. Партийная организация, лишив напряженную темпы, но не могла конечно, сделать все необходимое.

Огромные трудности клали перед новым руководством, вырастившим к тому же новое качество — со стороны чего и направлен был, что было, как отмечал формулировки решения ВКП(б), приглашением ведущих руководящих работников. Нужно было заново создать учебные планы четырех отделений института, работать над новыми программами, привлекать новые преподавательские силы. При крепкой помощи и внимании отдельных высоких руководителей партии (Ингулов) шаг за шагом учебный аппарат, заработал семинар.

Для ликвидации новых учебных планов и программ все же были предприняты усилия в дело учебы. Создание ЛИЯ, имея более значительно, в то же время берет этот опыт для усиленной разработки работы ВКП(б) сейчас на всем фронте. Но даже серьезные недостатки учебной работы частично были смягчены руководством и выдвиженцами, если отмечалось, что развертывание борьбы с механизмом и руководством, руководством института, на три четверти состоящим из членов «Октября», привело к тому, что редактор «Октября» назвал за собой каждый раз всю работу ЛИЯ; выделились и до этого крайне немногочисленные кадры, почти замерли учебные работы. Партийная организация, лишив напряженные

В БОЯХ ЗА ЛИТЕРАТУРУ, ДОСТОИНУЮ ВЕЛИКОЙ ЭПОХИ СОЦИАЛИЗМА

страна должна знать своих героев!

книги о социалистическом строительстве

СВОДКА

МАПП

❖ МАПП совместно с журналом «Рост» послала 50 книжевцев в различные районы СССР для художественного показа героев пятилетки. Уже получены первые очерки, которые будут напечатаны в журнале «Рост». Кроме того, МАПП издаст очерки книжевцев о героях труда отдельным сборником.

❖ Сибирьпиское райбюро МАПП подготовляет сборник о героях заводов Москвы. К 1 августа будет полностью собран материал к этому сборнику.

❖ М. Юрин написал книгу очерков о героях нефтяной пятилетки (Баку), которая будет издана в ГИХЛ. В. Гусев написал очерк об ударниках Кузнецкстроя, который напечатан в журнале «Молодая гвардия».

❖ В июньском журнале «Октябрь» помещен очерк Я. Шведова «Союз сердца» — о краснознаменце завода «Серп и молот» тов. Гладышеве. В июльском номере — очерки Ф. Панферова и В. Ильенкова — об ударниках Кузнецкстроя, А. Исбаха — о бакинских ударниках, Миасова — об ударниках Электрозавода.

азербайджанская АПП

Азербайджанская ассоциация пролетписателей занята работой по художественному показу 53 героев нефтяной пятилетки, награжденных орденом Ленина.

АзАПП прикрепила 13 писателей и рабочих-ударников, членов русской секции АзАПП, к промыслам и заводам, обслуживающим промысла. Из них двое рабочих-ударников—Н. Зинин и Ф. Кобозов — уже издали книжки.

тамбовская АПП

Для отображения в произведениях лучших ударников Тамбовская АПП привлекла 12 пролетписателей. Первые очерки, рассказы, стихи о героях будут сданы пролетписателями Тамбовской АПП к 20 июля.

ФОСП

Федерация советских писателей совместно с редакцией «Известий» направила 20 писателей в разные районы СССР. Кроме того, совместно с «Правдой» ФОСП направила на московские заводы и в районы 10 писателей для показа героев социалистической стройки.

В работу по художественному показу героев труда включились писатели: М. Шагинян, А. Малышкин, Б. Пастернак, Вс. Иванов, В. Лидин, В. Шиповский, П. Низовой, Л. Сейфуллина, И. Катаев, Н. Огнев, П. Павленко, А. Яковлев, Б. Лапин, С. Спасский, Вяч. Полонский, Гольденберг (Сибирь) и ряд других писателей. Некоторые из этих писателей уже возвратились из своих поездок и написали ряд очерков, помещенных в центральной печати.

РОПКП

Ленинградская организация ОПКП направила бригаду пролетарско-колхозных писателей в колхозы Карелии.

Средне-Волжская краевая организация ОПКП приняла шефство над МТС имени 3 интернационала. Проведен ряд выездов. Будут написаны очерки об ударниках-трактористах.

Литкружок колхоза «Сила стали» (Средне-Волжский край) коллективно работает над красной книгой о колхозе. К составлению сборника колхозники проявляют колоссальный интерес: в его издании принимают участие 50 колхозников-литкружковцев.

Ряд пролетарско-колхозных писателей: Михаил Карпов, С. Юрин и др., направленные РОПКП в колхозы и совхоза для показа героев-ударников, очерки уже написали.

НЕ ТОЛЬКО ПОКАЗ, но и руководство к действию!

о невыполненной ленинградцами задаче

Конец июля — таков минимальный срок для выпуска первых книжек о героях пятилетки, намеченных издательствами Москвы. Лишь Изогиз внес поправку в эту кривую **общего неблагополучия.**

Уже написаны и напечатаны в газетах ряд безусловно квалифицированных очерков о героях (Либединский, Ильенков и Панферов, Шишков и др.), но издатели не пришло в годову в течение нескольких дней выпустить их отдельными брошюрами или хотя бы общим сборником.

— В конце июля — не раньше!

К нашему удовольствию в Ленинграде этот лозунг не в почете. В результате мы имеем перед собой две книжки о героях, уже изданные, и не сомневаемся, что до первой московской книжки их выйдет в Ленинграде еще не одна.

Две имеющиеся книжки — это сборник **«Герои борьбы за трактор»** — 60 стахановцев краснознаменцев, награжденных **7 июня** правительством (книжка сдана в производство **11 июня** и подписана в печать **28 июня**) и **«Первые»** — очерки **С. Гимпилева («Формовщик Кириков»)** и **В. Сидоренко («Мастер Кочельников»).**

Сборник «Герои борьбы за трактор» содержит в себе 50 страниц. На них пишут рабочники заводской газеты в приложениях к «Путиловцу» напечатано даже 11 портретов лучших рабочников завода.

Несмотря на ряд **очень существенных** недостатков книжка о путиловцах играет безусловно положительную роль. Это прежде всего нужно отнести на счет **составителей** сборника, бывших его в очень хорошие «рамки». Сборник начинается постановлением ЦИК о наградах. Затем дана цитата из Ленина о 100 тысячах тракторов, фотографии готовых фордзонов-путиловцев и приказы обкома ВКП(б) о выполнении в 1931 г. программы в 32.000 тракторов — треть ленинского задания!

Непосредственно сборник начинается очень хорошей, убедительной статьей **т. Лысакова** — бывшего секретаря парткомитета, а теперь заместника партийного коллектива «Путиловца». Тов. Лысаков с предельной простотой, но вместе с тем ярко рассказывает про путь завода от первого трактора 20 тысячнититысячного, о классовой борьбе вокруг производства тракторов, о его врагах и энтузиастах-героях. Статья т. Лысакова захватывает, хотя в ней нет в нашем беллетристики, и мы бы затруднились выбрать из нее какую-нибудь особо выдающуюся фразу. И все же — да простят нам авторы сборника — эта статья т. Лысакова — самое лучшее в нем.

Удачна и композиция сборника, бодрая, с крепким пафосом.

Наконец, весьма уместен вступительный очерк **Л. Железнова** «Герои улицы Стачек», связывающий работу передовиков со всей массой рабочих с общеклассовой борьбой.

Что же представляют собой сами очерки о героях? Если о них говорить **в общей сумме,** брать их как **целое,** то они **в общем удовлетворяют** требованию показать героизм коллективного труда, дают основное представление о главнейших чертах этого героизма, заложенных — как правильно отмечается в конце — «в одиннадцати краснознаменцах, награжденных высшей социалистической наградой».

Это уже хорошо, это уже значит, что книжка выпущена не зря.

Перед читателем проходит галерея краснознаменцев-ударников, выдвиженцев, инженеров, партийных руководителей, и все они взяты не статически, а в своем развитии, с присущими им противоречиями (например, инженер Шезело). Читатель становится ясно, **кто** развивает советское тракторостроение, **что** за борьба шла и идет вокруг трактора.

Но вот читатель ставит другой вопрос: **как** развивают, **какая** борьба. На этот вопрос он ответа не получает, и в этом основной недостаток сборника. Показав героев ставит себе целью развивать **силу примера,** передавать **опыт.** Что это так, очевидно понимается всеми, и сборник «Герои борьбы за трактор» совершенно правильно послан в Сталинград, на тракторный завод (1.000 экз.).

Но, к сожалению, едва ли он там принесет **реальную пользу, або передачи опыта** в нем нет. Представим себе, что тракторные руководители Сталинградского тракторного заводит (а они должны этого хотеть!) работать теми же методами, что и т. Алексеев. Сборник не поможет им в этом, так как в нем есть много хороших слов о т. Алексееве, даны его некоторые характерные черты большевика-ленинца, но не раскрыты его методы работы, обеспечивающие успех.

О каждом из награжденных говорится, что его предложения дали заводу сотни тысяч рублей экономии. **А какие** предложения? Хотя бы одно, два — почему о них не рассказать? Но такого рассказа нет, и снова дискредитирования опыта другими заводами — двери не открыты. Лишь очерк Сарьяна (даже две статьи) **П. Матюнаса** об инженере Шезело представляет в этом плане значительную ценность — в нем рассказано техническое неглаз и достижения инженера. Такая удачно разрешена эта задача, с другим очерке **К. Сергеева** «Состязание двух систем» (о т. Рогозине), в котором автор сумел рассказать о работе одного героя, в котором на первый взгляд нет «ничего торжественного или такого, что связывается с обычным представлением героического» до большого обобщения — соревнования в капиталистической системой, с иностранной техникой, где одним из бойцов выступает Рогозин.

Вообще же очерки сборника очень различны. Здесь и более удавшиеся **художественные** зарисовки **(К. Сергеев, Е. Полонская),** а менее удавшиеся **(П. Адрианов, Э. Когаиер),** и просто статьи **(П. Матюнас),** и, наконец, сухие биографии **(Б. Соловьев, Г. Фиш).**

Общее, характерное для них всех — это **понимание** неразрывной связи их героя со всем коллективом — все это интересуют. Но показать эту связь умеют немногие. И вот Когаиер в очерках о Довдове и Тер-Асатурове дает их так, будто они не **организаторы** коллектива, а богатыри — Илья Муромцы. **Все** делают **сами,** везде они. Коллектива не видно. В самой, пожалуй, слабой зарисовке А. Дорофеева «Организатор победы» — о **лучшем** большевике, секретаре парткома, т. Алексееве — было не случайно, что большевика наиболее не сумели показать — здесь недостатки мировоззрения сказываются с особой силой), последний опять-таки дан не организатором, а «чудодеем», все решающим, спасающим от всяких бед и меньше всего нужным во главе **коллектива. А Елизавета Полонская** в своем, в общем очень не плохом, квалифицированном очерке договаривается до такой вещи: в том самом месте, где она пытается показать связь начальника Аллмана с коллективом, она пишет: «... Видно, что каждый обточенный им человек дорог ему **не меньше,** чем настроенный им станок». Едва ли нужно комментировать это восхищение человеком **равноценностью** машины и человека!

Очерки, отмеченные нами, как лучшие, избавлены от излишней биографичности, случайных фактов и т. д. Они **поднимаются над этими общими** недостатками показав героев. Но в большинстве очерков эти недостатки чувствуются очень сильно. И потому они мало **художественно** убедительны.

Еще с большим основанием это можно сказать про очерки **С. Гимпилева и В. Сидоренко,** заключенные в книжке «Первые». Это вовсе не показ героев, або даны в них **не живые рабочие, а ходячие манекены.** Уж если он герой — значит показывается он так, что он и об еде не думает, и ночи не спит, и в течение **полминуты** зажигается острой классовой ненавистью к капиталистам **(С. Гимпилев)** и видит всех классовых **(В. Сидоренко).** И все же, **почему** это герой, как оказывается в конце очерка, когда происходит (обязательно) чествование, остается неясным.

Оба эти очерка написаны рабкорами и может быть рабочими-кружковцами. **Они лишний раз агитируют за глубокую творческую учебу, за борьбу со схематизмом, панировкой, упрощенчеством.**

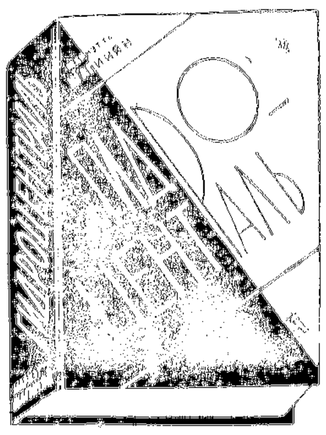
МИХ

радио-вечер показа героев

Сегодня ЦК комсомола РАПП, ОГИЗ, ГИХЛ, «Молодая гвардия» и редакция «Комсомольская правда» устраивают в ряде заводов и колхозов Парка культуры и отдыха радио-вечер, посвященный показу героев пятилетки в художественной литературе — «Значение показа героев пятилетки и т. Маяковский — Наши мобилизации пролетариатом по показу героев, рапорты пятилетки «Молодая гвардия» и ГИХЛ, выступления художников-героев о себе. В литературном отделении выступят: А. Безыменский, С. Кирсанов, А. Жаров, А. Сурков, А. Гедаш и др.

крупная победа союзнической литературы

новый роман М. Шагинян



«Гидроцентраль» Марietты Шагинян — роман о нашем сегодняшнем дне, о социалистической индустриализации, о строительстве гидростанции в Армении, о преодолеваемых трудностях, о накоплении опыта.

«Гидроцентраль» — наглядное свидетельство того, что отставание художественной литературы от практики социалистического строительства отнюдь не коренится в специфике искусства, а зависит прежде всего от мировоззренческих установок писателя, от социального качества и глубины мировоззрения художника. «Гидроцентраль» произведение, материалом для которого служит реконструктивный период, отличается глубокой продуманностью. Это — отнюдь не сырая хроника, это — роман, являющийся одним из крупнейших произведений всей советской литературы, обладающий высокими художественными достоинствами, философски насыщенный.

Он интересен и в жанровом отношении. Умелено и умело делает М. Шагинян область техники и экономики объектом искусства, не сбиваясь в сторону лефовской фактологии или ползучего эмпиризма.

За последнее время в нашей попутнической литературе появился ряд произведений, которые отражают взгляды, свойственные известной части попутничества и которые сводятся к меньшевистско-переверзевской идее о «роковой» социальной замкнутости писателя, о невозможности для него социальной переделки, о невозможности перехода писателя-попутчика на идейно-художественные позиции пролетариата. Эти взгляды развиты в последних произведениях Габриловича, Рыкачева и некоторых других писателей.

«Гидроцентраль» для М. Шагинян не является неожиданным зигзагом. Роман подготовлен всем послеоктябрьским развитием творчества Шагинян. Это был путь от попутничества к союзничеству, путь преодоления ограниченности прежнего попутничества, путь перехода в ряды литературных союзников пролетариата.

Мы рассматриваем «Гидроцентраль», как крупную победу всей союзнической литературы, резерва литературы пролетарской, и особо отмечаем, что в творчестве самой Шагинян «Гидроцентраль» является наиболее совершенным произведением.

«Литературная газета» в одном из ближайших номеров поместит статью, дающую развернутую оценку «Гидроцентрали», ее достоинств и тех качеств, которые не позволяют отнести ее к пролетарской литературе. В этом номере мы ограничимся настоящей короткой заметкой.

Следует организовать широкое обсуждение «Гидроцентрали». Необходим немедленный выпуск романа в массовых сериях литературно-художественных издательств.

А. СЕЛИВАНОВСКИЙ

путиловские дневники Чумандрина

МИХ. ЧУМАНДРИН — «Мои путиловские дневники». ГИХЛ. ЛАПП. Л.—М. 1931. Стр. 159. Цена 1 р.

Мих. Чумандрин имеет большой опыт работы качества на производстве — на заводе «Красный путиловец» в Ленинграде. В противоположность многим другим писателям, представившим свое пребывание на производстве как «хождение в народ», с общим почти «отрицанием» в виде краткосрочной, ничего в никому не давшей работы у станка, т. Чумандрин на «Путиловце» выполнил именно свою писательскую функцию. Он изучал завод и его людей прежде всего в творческих целях, он включился в жизнь и работу завода при помощи присущего ему оружия — художественного слова.

Сборник очерков-зарисовок Чумандрина, органически между собой связанных, никоим не отличается от аналогичных работ других писателей и своей формой и содержанием. Это действительно производственные дневники, записи наблюдений от производства и о людях, записи мыслей, вызываемых встречами с этими людьми. У Чумандрина нет описания производства, нет строгой последовательности событий. Он то бросает отдельные факты, то снова возвращается к ним. Однако, ценность впечатления от этого не страдает, тем более, что Чумандрин подкрепляет его своими рассуждениями по существу и «по поводу», в которых он не без успеха пытается вскрыть основные движущие силы завода, фиксирует внимание на недостатках в промахах и т. д. Несколько, как бы вскользь, брошенных фраз в следующей главе приводят все эти факты и выводы автора в определенную систему, подтверждают их.

Чрезвычайно ценно, что Чумандрин достигает широкого охвата темы. Он не ограничивается только производством, но и дает все окружение завода, затрагивая вопросы быта. Не все это так, что он на минуту не уходит из поля зрения основное—завод, которому все подчинено.

В «Путиловских дневниках» Чумандрин показывает большое умение наблюдать и понимать людей производства, разобраться в них. Из его характеристик встает большая галерея различных типов рабочих, в, главным образом, заводского актива. И здесь Чумандрин от частного идет к общему, ставя живой вопрос: какой же нужен заводу активист, руководитель, партработник?

«Дневники» Чумандрина не лишены недостатков. Они прежде всего формального порядка. Художественность этой книжки стоит не на высоком уровне. Во-вторых, мы видим эти недостатки в том, что Чумандрин недостаточно дает обстановку, в которой происходят действие, да и действие это не во всех случаях уместно заменяет диалогом.

М.

О полярных медведях, тропических ящерах и очерке-гуме

РИВИАН ИТИН.—«Выход к морю». Стр. 231. Ц. 1 р. 20 к. Переплет 20 к. ЕВГ. ЧЕРНЯВСКИЙ- «Кампания». С рисунками автора. Стр. 158. Ц. 90 к. Издано «Федерацией». Серия «Социалистическое строительство». Тираж 10.000 М. 1931.

Перед нами стопка очерков, изданных под стандартной обложкой единой серии.

Мы выбираем две книжки, совсем не похожих друг на друга авторов и неожиданно убеждаемся, что их очерки, при всем безусловном различии тематики, подхода, темперамента и всего прочего, достаточно характерны, хотя в порядке для того, чтобы на них показать, как **не надо** писать очерки, посвященные нашему социалистическому строительству.

Это не значит, например, что **Вивиан Итин,** служивший в 1930 году с карской экспедицией на ледяной север, написал свои полярные очерки литературно неграмотно или бледно. Напротив, очерки Итина о великом водном торговом пути сквозь Сибирь, открытом для ежегодных рейсов с 1930 года,—литературно квалифицированы и несомненно интересны. Они интересны прежде всего тематически, как показ «социалистического завоевания Севера» через «Обь-Океан» и «надменные льды», они интересны также и по своей композиции и манере письма. И все же это не то, что так нужно сейчас нашей пролетарской литературе.

Автор же написанных во имя этой борьбы полярных очерков ходил на ледоколах (в том числе и на «Красине»), и на русских судах, как очень внимательный, но холодный в общем наблюдатель, с регистрирующим все происходящее вокруг взглядом и логически анализирующим умом. Довольно большой, во временами явно **избыточный,** снижающий очерки исторический материал (начиная с источников XVII столетия!) мобилизован автором с его строго спокойным и беспристрастным объективизмом. Этот объективизм, однако, отравлен ямпиром и схематизмом.

Перегруженность очерков документацией, хотя иногда и уместной, чрезмерная, доходящая до сухости скупость их языка и обилие, называя местами отсебятины Итина со ступени художественности хотя бы и относительной до хроники экспедиции—пусть не лишенной яркости, но только хроники все же. Приверженность Итина к историзму, его любовь к документу вообще, оправдывающие себя в этом плане—заставляют, однако, в неподвижную, несвойственную гибкому очерку, форму. Необходимое для нашего очерка **органическое** идейно-художественное единство оказывается нарушенным приписанными автором извне элементами чистого описательства, посвященного на себе иные следы схематизма.

Вот почему эпизодические, несмотря на все старания автора сделать их пролетарскими, очерки **механистичны** не только внешне, структурно, но и **внутренне,** по идейно-художественной своей сущности.

И, тем не менее, Итину нельзя отказать в в клубной яркости, подкупающей, так то и подобает по старым литературным канонам, преимущественно в этической форме. Он видит, однако, что поэтический взлет весьма богатой фантазии автора производит странное, невыгодное для него впечатление.

Вот, например, строфы стихов исторического, поэтому, значения, из помеченных в дневнике Итина под датой 12/IX:

«И там, где трупом лег «Вайгач»,
Я видел, набивая трубку,—
Большой медведь умчался вскачь
И вкрылся в штурманную рубку.
Я встретил гостя, стоя пасть (?)
Присев к огню и льдинки тая, (?)
Он рассказал, что шел узнать
На Диксон, про дела Китая».

Медведь, очевидно, плеологически выдержанный и политически сознательный, и мы за него искренне рады, но мы не рады за Итина, вопиющая нерешительность которого в данном случае свидетельствует о том, что поневоле некоторым нашим авторам, восходящим к поэтическому эмпиризму хронологическая последовательность отражения в книгах всего «былого и думу» упрощает художественные задачи, **ложна и вредна** для советского очерка—**художественного очерка,** а не сырого авторского дневника.

Еще второй автор **Евг. Чернявский,** поехавший в том же 1930 году в Аджаристан из подготовкой по партийной мобилизации, назвал свои очерки именно по этому ложному рецепту, возведя частный грех Итина во «всеобщий закон» для бойкого своего пера. А его привело к тому, что в очерках Чернявского есть **всего понемножку—и** собственной, глубоко философической, как увидим, но в общем весьма темпераментной прозы, и стучащейся прозы пропагандистов, инструкций для революций, и сугубо лирической поэзии, навеянной у окна вагона под ритмический шум колес, и, наконец, собственноручных любительских рисунков автора, в своем подавляющем большинстве для неискушенного в жизнеописании читателя очень загадочных.

Пусть ничто не пропадет для потомства, и да растворится скучная официальщина в игривом вине веселой поэзии!... Вот в чем нехитрая мудрость любой литературной кухни.

Человек, весьма увлекающийся, с экспрессивной натурой, товарищ Чернявский уже на пятой странице своей книжки хвалит через край, написав о дореволюционной России, что «бродили по ней темно лишние, ничтожные люди, бродяги и нищие!» Не для читателя прийти в себя после этого сугубо революционного открытия, автор не преминул на следующей же странице выразить не менее оригинальную мысль о том, что целых четыре части света с таком обречены на явное... каинтожение. «У нас одна родина— шестая часть мира, за которой родится весь мир. Поэтому мир. Пять частых—умрут». Мы недоумеваем, что хотел сказать т. Чернявский, но написал-то он явную чепуху.

Бурный темперамент неистового автора сказался сразу и в прозе, и в стихах, едва только он сел в вагон, умчавший его в знойный Батум: «Лети, поезд! Рви тонкую нить, связывающую с привычными улицами Москвы» и т. д. и т. д.

«Кровь горяча, кровь наполняет вены,
И полон жизни бурный водоем.
Но наша жизнь тогда имеет цену,
Когда ее мы щедро отдаем» (?!).

Уверенно, четко стучат колеса вагона. Мелькают верстовые столбы. Но что тебе, читатель, до романтики дорога! Тебе обещаны очерки о индивидуальной кампании, и ты их получишь.

Что же, спросит Чернявский,—вопрос спросить читатель,—это вроде «чрезвычайного ассортимента» что ли вашим очерки о кампании, тяжелое впечатление от которой вы скрашиваете буйными цветами своей поэзии?! И в самом деле, дальше читатель погружается автором в случайную прозу заготовительной хроники—«поезда Дом Герцена, клуб ФОСП, литературные бои», — которая нет-нет да вспыхнет бодрящим читательскую душу великолепным огнем мудрых авторских афоризмов о прошлом и настоящем вселенной. Например: «Цверы отжили свой век. Человек торжествует победу в истории. И в человеческой истории торжествует свою первую крепкую победу рабочий класс». Бедные ящеры и прочие «пухнозавры» были и не подозревали, что это над ними, а не над капитализмом празднует рабочий класс первую свою победу.

И. БЕРК

обезличка *под маркой общественности*

пора перестроить работу редсовета „федерации“

В помещаемой статье т. Ал. Зуева своевременно и в основном правильно ставится вопрос о необходимости перестройки редсовета издательства «Федерация» и ликвидации обезлички в его работе. редакция считает необходимым вынести предложения автора статьи на обсуждение широкой общественности

Издательство «Федерация», приобретающее масштабы крупнейшего издательства художественной литературы после ГИХЛ, в текущем году получило 20 млн. листов-оттисков бумаги (в два раза больше прошлогоднего).

Основное место в продукции «Федерации» занимают попутнические группы и пролетарско-колхозные писатели. Если же принять во внимание то обстоятельство, что пролетарские писатели и наиболее близкие нам попутчики связаны с ГИХЛ,—станут понятными специфические трудности, возникающие в работе редакционного совета «Федерации».

Продукция «Федерации» за всех этапах существования издательства получила весьма неизвестную оценку как в самой печати, так и в официальных библиографических учреждениях. Так, за последние полугодия библиографическим институтом признаны явно неполными 15 книг издательства «Федерация». Не приходится доказывать недопустимость подобного положения. Сейчас, в условиях нехватки бумаги в стране, подобные факты нужно расценивать как растрату народного достояния.

Наличие столь большого брака издательской продукции говорит о явном неблагополучии в области редакционной работы издательства. Дело в том, что, несмотря на резко повышающиеся темпы работы и широкое увеличение плана, структура издательства осталась прежней. Чтение и прием рукописей производится выборным редакционным советом (в составе 30 человек, главным образом, писателей) **в порядке общественной нагрузки.**

Судьба рукописи решается путем простого изъятия или, после краткого отзыва 2-3 членов редсовета. Этот «демократический» способ определения или решения рукописи сам по себе чреват **случайностями и ошибками** и зачастую зависит от групповых соображений и влияний, которые трудно предусмотреть. Кроме того, такой «коллективный» способ решения судьбы рукописи создает впечатление **персональной безответственности** редакции, а особенности ее принять во внимание ежегодную сменяемость членов редсовета и **чрезвычайно большую текучесть** их состава (за два года сменилось свыше 50 членов редсовета).

Не приходится говорить о крайней медлительности в работе редсовета, о том, что рукопись в среднем читается месяц и что на этой почве возникают многочисленные жалобы авторов. Субъективный («писательский», так сказать) подход к оценке представляемых рукописей тем же значитцу вызывает нарекания авторов и просьбы о пересмотре принятых решений.

Все эти недостатки с особой яркостью сказываются и в работе редсовета Всероссиомдрама, продукцию которого издает «Федерация». Недавний пересмотр отдавших к печати рукописей серии «Всероссиомдрам» привел к изъятию 15 пьес, часть которых уже находилась в производстве.

Вопрос о необходимости структурных изменений в издательстве, о необходимости перестройки в первую очередь редсовета надо считать вполне назревшим. Очевидно, вопрос этот должен быть решен к моменту пересмотра устаревшего устава «Федерации». Перестройка редакционной работы издательства должна быть проведена в сторону установления персональной ответственности редакторов за принятые к печати книги при наибольшей компетентности и гибкости редакционного центра. Само собой разумеется, поскольку «Федерация» является издательством общественного типа, **необходимо сохранить и ответственность этого центра перед органами писательской общественности.**

Конкретно это выражается в следующей схеме: при заведующем издательским создается редакционная коллегия из 5-6 вполне квалифицированных в политическом и литературном отношениях работников, утверждаемых исполбюро ФОСП. Редколлегия рассматривает поступающие рукописи и принимает их к печати при персональной (за подписью редактора) ответственности за каждую сдаваемую в набор рукопись. Члены редколлегии получают зарплату в издательстве и обязаны выполнять определенную норму печатных листов помесячно.

Кроме редсовета, при издательстве существует (выборный на прежних основаниях) **общественно-писательский редсовет** из писателей и рабочих-ударников. Главной обязанностью редсовета является составление редакционного плана и наблюдение за его выполнением. Для этого редсовет разбивается на группы и каждой из этих групп поручается определенная серия изданий, намеченных редпланом. Вся подготовительная работа по осуществлению редакционного плана, таким образом, будет лежать на редсовете. На его же обязанности лежит работа с начинающими писателями, организация сборников, связанных с проведением общественных кампаний, и т. п.

Разумеется, все книги, подготовленные общественным редсоветом, поступают на утверждение редколлегии.

Важнейшим в издательском плане задача— плановая организация портфеля —должна быть поручена писательской общественности. Самотеку должен быть противопоставлен тщательный отбор. Это будет достигнуто при условии перестройки редакционной работы издательства по предлагаемой схеме. Дальнейшее разграничение обязанностей и уточнение внутренних взаимоотношений — дело нетрудное.

Вопрос о перестройке редакционной работы «Федерации» должен быть решен. Нельзя оставлять распределение 20 млн. листов-оттисков в руках «обезличенного» редсовета, действующего к тому же «в порядке общественной нагрузки».

АЛ. ЗУЕВ

бумага должна быть!

Завтра собирается исполбюро. фосп оно должно поставить вопрос о бумаге во всей широте и добиться улучшения бумажного положения в издательствах художественной литературы

МОСКВА

задолженность Союзбумаги

Издательством «Академия» было послано в Союзбумагу требование отправить ленинградскому отделению издательства причитающийся ему вагон бумаги. Союзбумага, списав его стоимость 6.000 рублей с контокоррентного счета «Академии», бумагу отправило... вместо Ленинграда в Воронеж, в распоряжение Оргстроя. Благодаря перепутанной накладной, ленинградское отделение получило бумагу типа газетной, совершенно непригодную для печати, за хранение которой уплатило 1.500 рублей. После нескольких месяцев хлопот и переговоров, в конце июня была отправлена в Ленинград нужная бумага, уже в меньшем количестве, за которую Союзбумага снова списала с контокоррентного счета «Академии» ее стоимость.

Десять названий книг, отпечатанных в типографиях и выпуску, лежат в типографии из-за отсутствия картона для переплетов.

Задолженность Союзбумаги издательству «Академия» за второй квартал—в 22 тонны—остается недокрытой.

минус 193

С начала июня ГИХЛ получило **54 тонны** бумаги, составляющие лишь **пятую часть прежней задолженности.** Полученная бумага целиком поступает в помещение не загруженных по этому кварталу **247 тонн.** В счет третьего квартала до сегодня ГИХЛ не получило **ни одной тонны бумаги.**

план сорван

В задаче «Федерации» свыше ТРИДЦАТИ названий книг, подписанных к печати, не выходит из-за отсутствия нужной бумаги. Отгружаемая в счет нормы БУМАГА ПОСТУПАЕТ В ФОРМАТАХ, НЕ СООТВЕТСТВУЮЩИХ ТРЕБОВАНИЯМ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

За весь второй квартал «Федерация» не выпустила ни ОДНОЙ КНИГИ ПО МАССОВОЙ СЕРИИ, благодаря полному отсутствию рулонной бумаги. За июль месяц издательство получило 247 тонн бумаги, из которых значительная часть идет в покрытие норм второго квартала. Разумеется, что при подобном положении не может быть и речи о выполнении редакционно-издательского плана.

ЛЕНИНГРАД

политика перманентного сокращения

ЛЕНИНГРАД, 11. (наш. корр.). Союзбумага в первом квартале должна была предоставить ЛенГИХЛ 365 тонн бумаги. Однако, по бумажным фабрикам были выданы наряды на 341 тонну; на этого количества ЛЕНГИХЛ фактически получило 249 тонн, или 73 процента в отношении разверстанного тоннажа и 68 процентов плановых потребностей издательства (конечно, сокращенных планов).

В этом полугодии ОГИЗ опять сократил планы ЛенГИХЛ на 9 млн. листов-оттисков (180 тонн бумаги). Всего по «сокращенному варианту» ЛенГИХЛ потребуется 368 тонн бумаги; с фабриками заключены договоры на 343 тонны. **Но за первую декаду июля не получено ни одного листа...**

***

ЛЕНИНГРАД, 11. (наш. корр.). План Издательства писателей в Ленинграде, обеспеченный «творческим сырьем», предусматривает 10 млн. листов-оттисков. Как заявляют издательские работники, этот объем требует не менее 300 тонн бумаги. Теоретические же нормы комитета по делам печати «полагают» на каждый миллион листов-оттисков 20 тонн, т. е. всего на 100 тонн бумаги меньше, чем требуют реальные нормы. Фактическое же снабжение бумагой значительно отстает и от теоретических норм Комитета по делам печати. За первый квартал было получено всего 28 тонн бумаги. Во втором квартале было обещано 41 тонна, но получены только 36 тонн, причем и из этой уменьшенной нормы ленинградский Комитет по делам печати «прозевал» часть бумаги передать издательству «Жубуч». На третий квартал нормы снабжения еще неизвестны и перспективы более чем туманны. Издательство не может сдать в набор ни одной рукописи.

Б. Р.-Д.

от нашего корреспондента

актив мобилизован массы в стороне

Нижегородская ассоциация объявила литературный поход за показ героев пятилетки. В «Нижегородской коммуне» и «Ленинской смене» напечатано стенное обращение секретариата НАПП, посвященное объявлению литературного похода обсуждался в пленуме ВКП(б), где принят ряд мер к развертыванию похода.

Мобилизовано более 20 человек. Очерки уже поступают. В первом номере журнала НАПП «Натиск» напечатан очерк **А. Муратова** — «В своем отечестве» — об американской бригаде, досрочно построившей деревообделочный цех Автостроя. В красной комсомольской газете «Ленинская смена» напечатаны очерки **Матвеева, Зубкова** и др. Редакцией «Натиск» принято в печать два очерка — **Новожилова** — «Работа не старрит, а молодит»,— о краснознаменце т. Третьякове и **Конюхина** — «Одна маленькая интрих» — о комсомольской бригаде завода «Металлист». Кроме того закончили работу над очерками и сдают в печать тт. **Бахирев** и **Левчук.**

Товарищи **Бирюков** и **Гудков** направлены в Витку, г. Стобетской, Муром в Вятку для мобилизации литературных кружков периферии.

Наряду с этими несомненно положительными фактами необходимо отметить большой прорыв в работе.

Секретариат НАПП в своем обращении писал: «...помимо актива в этом деле должны принять участие все рабкоры, писатели-ударники и писатели-кавторанги». Для реализации этой установки сделано очень мало. Необходимо было вести упорную работу в кружках, бросить туда силы, а это не сделано. Работа в кружках по показу героев велется стихийно, самотеком. Многие очерки не обсуждаются кружками, в лучшем случае поэтому, что очерки частью страдают поверхностностью и схематичностью.

30 июня состоялся слет ударников Большого Нижнего, организованный НАПП совместно с «Литературной газетой». Слет был посвящен вопросам борьбы за качество показа лучших. Конкретный разбор на слете очерка **Ивана Матвеева** «Ольга Прянишникова», напечатанного в «Ленинской смене», привел к тому, что автор очерка, выслушав все замечания, решил совершенно его переделать. Так велико влияние коллективной самокритики.

Слет кружков вынес решение, отмечающее необходимость направить все силы кружковцев на художественный показ героев социалистической стройки, обратить самое внимательное внимание к качеству показа.

Ш.

из литературного прошлого

неизвестное стихотворение некрасова

«Литературная газета» сороковых годов была по всем посвящена литературе. В ней был обширный кулинарный отдел. Следовательно, бойко использовав рецепт выпуска сочных огурцов и сушеных яиц. Цель этого отдела была та, чтобы, кроме «литературной пищи» и общепонятных для дворянских читателей, предложить к столу «литературный завтрак» и широкие слои дворянских читателей.

В этот отдел был «доктор Пуф», необыкновенный и очень развязный писатель.

Недаром — близкий господин той же «Литературной газеты» — не так конечно, конечно, выдавать такому предложению не в Тюремный листок для немощных, а дешевый стихотворное послание к доктору Пуфу, где протоиерея восхваляет общественное значение его кухонных рецептов.

Знаменательно было и время, что помещена. «Господин-отличник» назван, получившись на статьях. Пуф — тайным кулинарного искусства, начинает готовить пищу вкусно, что не оскорбила немецких грубо сделанных вкусовыми кушаньями. Таким образом это послание к Пуфу заключало в себе, может, замаскированный протест против крепостничества.

Написано оно в 1847 году, когда Некрасову не было и 24 лет. Хотя в те ранние годы он и не не вспоминал, но, конечно, в дальнейшем при полном сознании и у него уже есть, — даже в шутливых фельетонных стихах.

К. ЧУКОВСКИЙ

похвальные стихи д-ру пуфу

Почтенейший Иван Иванычъ!
Великодушный доктор наш!
Когда отпрыгнувши за ночь
Стаек ваших, Гений ваш —
Благодетель всей России!
Вы краше дня, вы ярче звезд,
И перед вами клонит выю
Весь Новгородский уезд.
Действительно, вы благодетель
Желудков наших, — я от них
И гнев, и злость, и добродетель,
И множество страстей других.

У нас помещик был свирепый,
Неукротимая душа!
Он раз в жену тарелку с пенной
Пустил — зачем — не хорошо!!
Но всем сварливо придирался,
Хулил, страдальчески хандрил,
И в доме всяк его боялся
И он единый не любил!
Его сердитый злобный тепор
Из мне в семействе не смолкал,
Но сократно битый повар
Свое искусство проклинал.

Изруг... но какой, скажите, кистью
Этот портрет наш изображу?
Проверьте, дорогим не корыстью,
Но благодарностью — пищу!
Хоть я учился у попа,
Но не попал наука впрок!
Вскрыт... получается «Газета».
И я ей вам кухонный урок
Прочел небрежно горный парни
Что было в питании при нем?
И как на Пушкина Фиглярин 3,
Попал, о доктор мой! на нас.
Но не дремал в разум женский
Прачка жена — и понял,
И в сутки повар деревенский
Стал человеком из осла.
И что же? И был всему свидетель —
Клянусь — не ложь мой глава)
Нет, ты не знала, добродетель,
Излей в кране торжества,
И никогда с начала света
Порек сильнее не страдал:
Помещик наш изъ-за обеда
И кратковек и пеш встал.
В слугу не бросил чашкой кофе.
И — доктор мой! торжись! торжись! —
Как из фонтана в Петергофе
Рекой из уст его лились
Слова небранные... Уроки
Твои на грешной сей душе
Начали жесткость и пороки!..
С тех пор, что бы ни на панихиз.
Родным, друзьям, жене читает.
Тебя отцом своим зовет,
Весь от блаженства тает, тает
И в умиленьи слезы льет.
С тех пор он стал и добр и весел,
Детей ласкал, жену любил,
Этот управитель нос повесил,
«Мужик судьбу благословил!»

. . . . . .

И да не говорит не ходит,
Повержен в лютый паралич —
Кто на тебя хулу наводит
И злонамеренную лишь.
Ты Иван, но ты не дуй пахальный
Досуги плод журнальных прах:
Ты человек — и достохвальный,
А не какой-нибудь дурак,
Кармелей сорока губерний,
Ты и умен и терпелив,
Твоим прахам — вечен из терний,
Тебе — на дарах и олив!
Трудись, трудись, не устали!
Будь вечно счастлив, здрав и тих,
И есть Россия научна,
Сей на земле не даром сиб!

Н. НЕКРАСОВ

пантелеймон романов о „товарище кислякове“

письмо в редакцию

1929 году мною был написан роман «Товарищ Кисляков», который вышел в СССР в начале 30 года. Какие-то бесчардарские газеты перепечатали его, конечно, без моего ведома и разрешения, исковеркав его непростойным названием «Три пары шелковых чулок», против чего я своевременно протестовал в советской прессе.

15 июня т. г. в «Литературной газете» напечатана заметка о появлении романа под тем же названием в Англии и о тех толкованиях, какие имеют там место.

Цель моего романа, написанного два года назад, была — выявить наличие «классовых», т.е. классово-идеологически чуждые элементы, скрывающиеся под разными личинами. Начинался потом чистка, основательно вычистившая из нашего госаппарата и общественного обихода «Кисляковых», как будто показала мне, что мой диагноз был правилен. По виду, такие толкования придаются моему роману как за границей, так и в советской критике, и приходит к заключению, что **иной написана действительно политически ошибочная книга.**

Конечно, я, как и всякий другой писатель, не могу отвечать за ложное истолкование наших вещей, появляющихся за границей. Но я отвечаю за это, если в какой-то мере даю повод к неправильным толкованиям моего замысла, которые к тому же за границей носят явно злостный характер. А повод этот кроется в ошибке, которую писатель может иногда незамеренно допустить в своем творчестве.

Ошибка моя, как я теперь вижу, заключалась в том приеме, который был положен в основу романа. Прием этот состоит в том, что я брал только интересующие меня явления, устремляя на него всю силу своего внимания. Я устранял все противоположные и ослабляющие внимание элементы, чтобы исследовать это явление до последних глубин и заставить читателя со всей силой присмотреться к этому явлению. Таким образом я нарушал нормальную пропорцию жизни и давал объективно неверную картину действительности.

Я, так сказать, как в химии, добывал «чистые элементы», которые существуют в химии, но в живой природе их нет.

В мелких рассказах это было уместно, потому что читателю не могло в голову притти, что я даю чем изображение всей действительности. Но когда я этот прием (в корне противоречащий диалектическому методу) положил в основу большого романа, то получилась, конечно, объективно неверная картина как всей советской действительности, давшая повод к такому истолкованию романа, какого в мыслях автора не было, например, что возможность революционного перерождения совершенно исключена для всей интеллигенции, что образ Кисляков есть образ интеллигента, искренно сотрудничающего с пролетариатом.

За время революции мною написано 13 томов, и если один из них дал повод для искаженного истолкования наших зарубежных врагов, то в дальнейшем своим творчеством я найду возможность их охладить. А со стороны нашей критики хотел бы видеть к себе большую терпимость и дружеское руководство. Не ошибается только тот, кто ничего не делает.

ПАНТЕЛЕЙМОН РОМАНОВ

от редакции

Помещая письмо П. Романова, редакция «Литературной газеты» не считает необходимым здесь же подвергнуть критике соображения автора относительно причин, программных его роман в одно из крупных антисоветской агитации.

Редакция считает основным в письме П. Романова — признание им романа «Товарищ Кисляков» **политически ошибочным.**

П. Романов имеет возможность своим последующим творчеством доказать искренность печатаемого выше письма.

Но редакция в то же время не видит возможным резкой черной отделить «Товарища Кислякова» от всего предшествующего творчества П. Романова.

необходимое раз'яснение

В настоящем номере «Л. Г.» было помещено, что Правление Осы выделило на ремонтные заведения «Федерация» 50 000 рублей.

По этому поводу издательство «Федерация» считает необходимым заявить следующее:

1) По договору с Книгоцентром издательство «Федерация» имеет в свою пользу 15 % с 50 000 50 руб. Причем часть этих сумм идет на выплаты по бумаге и выполнению для издательства «Федерация» работ, выполненных в Ленинграде, в Москве и в Ленинграде при издательстве «Федерация» в Москве, которая в свою очередь получила при подписании договора 50.000 руб.

2) Однако, вместо того, чтобы выполнить свои договорные обязательства и выплатить 12 мая издательству сумму, причитающуюся по договору, заранее, за месяцем и за два месяца — 6 и 9 июля.

Зам. пред-ля «Федерация»

Г. ШУЛЬЦ

от редакции

Одобряем с полностью заметки об заявлении издательства «Федерация» Книгоцентром 50.000 руб. на заявление предоставлено, получило сообщение, напечатанное в Информационном отделении издания ОГИЗ № 4 за май—июнь 1931 г.

за ленинскую критику г. в. плеханова

первый этап дискуссии закончен

искусство и классы в понимании плеханова

В дискуссии на эту тему (2 июля), сводящем целый ряд других в порядке для разверстывания ЦИК комиссии и РАПП на Ленинской дискуссии, т. Хрущев на конкретном материале литературоведческих работ Плеханова показывает неустойчивость и эклектичность его точки зрения на социальную природу искусства после 1905 г., в частности — переломным для всего мировоззрения Плеханова в области эстетики, и обнаружение противоречий между ранними и поздними его работами в этом вопросе. Вечно лежащие основной трагедии в борьбе не мне, между в новые эпохи Плеханова, готовый хотел установить общие и абстрактные, метафизические законы развития искусства, изобрел для этого и нашел их. Отсюда глубокую борьбу после 1905 года, Плеханов не мог понять, диалектики искусства, как диалектики классовой борьбы, когда уже ему диалектику (см. «Искусство и общественная жизнь») и отрицание сущности художника с основным выяснением.

Заканчивая доклад, т. Хрущев отметил необходимость исторического и диалектического подхода к самой критике литературоведческой концепции Г. В. Плеханова и которого анализа его может.

Этим докладом (обсуждение всех докладов будет вестись одновременно), закончился первый этап плехановской дискуссии, общий обзор которого будет дан нами в ближайшем будущем.

И. Б.

русские пролетписатели на украине

Для руководства работой создано Всеукраинское бюро русских секций, в которые были присоединены русские пролетписатели Донбасса, Харькова, Николаева, Днепра и Одессы. Бюро в перспективе станет русскими секциями Всеукраинской ВУСПП. В этом году будет создан всеукраинский съезд русских пролетарских писателей.

В секциях ВУСПП, проводимых на заводах, шахтах и украинцами, приобщаются к литературе, поэзии и украинцы и русские пролетарские писатели. Бюро для прохода русской секции выделило для проведения консультации в русских кварталах Донбасса.

В Харькове, на еженедельных собраниях русской секции ВУСПП, выдвинуты и литературному кружку лишь и выделен новом организации. На последних собраниях получили перспективы опытных писателей, И. Рагимова — «Дрова вы осень», Сашка стихов С. Радутина — «Поэма Гоголяна» и ряд других произведений.

Журнал «Красное слово» опубликовал номер свои обзоры наших русских пролетарских писателей Украины. Тираж Красного слова на последний номер выдан вдвое и в течение время достигает 5000 экземпляров. Нет «Красном слове» работает постоянно группа рабкоров-украинцев, представленная 21 человек. Из них выделены окрепшие рабкоры (7 человек) на полном производственном отрыве от станков, принятых в литературу, передана в ВУСПП.

литературное сегодня

Оргкомитет т. Шевченко поставил делегатов писателей Донбасса ФОСП. В заключительной беседе были обсуждены перспективы социально-бытового положения писателей и учителя, доклад Ковалевского по вопросам этнического плебисцита (см. ВЛКП).

⁂ В Киеве, в республиканской ассоциации сценариев и переходит к работе ферзора городских писателей, в этом году входит в состав ассоциации поэтов, драматургов и литературно-критической работы киевлянин.

⁂ Наш журнал «Рабочий и литературный» объединение начинающих писателей-художников, которых нет, т. Ленинград. Выдержан Бюро, это обсуждение «Рабочий» — Дня журнала «Рабочий» и поэт, — поэтом журнала «Рабочий» — Ленинградского.

⁂ Мало-Ф. пишет по ударным и отдельным рассказам, в ряде рассказов, представляет: Ф. Ф. Ковалевский, Ленинград Комсомольский и разоблачения, кто, музыка и литературе.

⁂ Председатель Коммунистической академии Хрущев ответственным редактором журнала «Литература и искусство» тов. С. С. Динамова.

⁂ На совещании сценариев сценариев, созванном ЦО ФОСП и ЛенРАПП, в большом докладе — обзоре литературного плебисцита ЦК ВЛКП(б) и задачи ФОСП — выступили т. М. Рафаль (Ленинград). Доклад вызвал оживленные обсуждения, в которых принимали участие многие из ленинградских писателей, выдвинутых перед ними задачи сценариев.

⁂ Клеа МОЛИ Н. Холмин, выделенный для работы в жанрах РЫК, часто того чтобы вскоре в часть, уехал в отпуск, этим совместно с ленинградцем ДОКУФ вопросу в литературе. Хорошо, если случай представит в с листовки «Ленинград» МОЛИ т. Ильиным, который, доклад, уехал в Москву. О поэтах и прозаиках, уехал в другую сторону от Ленинграда.

Секретариат Молодняк ставит перед МОЛИ вопрос о недопустимом поведении этих писателей, игнорирующих работу ДОКУФ.

⁂ В Ленинграде прошел пленум Ленинградского и доклад МЕО по литературе в ленинградских заводах. Ленинградский и доклад Лидия подготовлен и решает вопросы сборника «Ленинград». Мозер — ежедневных заводских и ударников и литературных. Отдельно, вопросы обсуждения Ленинграда, не в одном месяце, но и в другом месяце, сообщить на отчетное время. Подробно сборников Молодняк дальше опять совместно с бюро.

совещание очеркистов колхозников

Издательство «Крестьянская газета» создает 25 июля совещание очеркистов-колхозников. Основным предметом совещания является вопрос о развитии литературы колхозного строительства. В начале дня — доклад ЦОПП и «Крестьянской газеты». Доклад сообщит будет организован семинар на тему «Как работать над очерком». Совещание продлится 3—5 дней. В его работах примут участие рабочие Колхозцентра и Трест продстекла.

декада украинской культуры в грузии

В ССР Грузии проводится декада украинской культуры. Для участия в проведении декады в Тифлис приехала из Харькова делегация украинских писателей-ударников, кинематографистов, общественных деятелей и режиссеров театра «Березиль».

Одновременно с открытием гастролей театра «Березиль» в национальном галлерее открыта выставка украинской литературы.

Бригады украинских писателей и режиссеров искусства поехали ряд отдельных районов Грузии, Армении и Азербайджана.

дипломат из музгиза

Письмо в редакцию

Прочитавши полным и компетентным разъяснение сомнений вопрос о заводах прорыва в области массовой песни.

Выдающий принцип прямоты, показывающий теорию именно классовости, конечно является не одна в Музгиз. Новый молодой человек, ждет на помощь, проделает вальсами по клавишам—фортепиано—и глуповоспитанно сообщает мне:

— Это нечто выборность.

Затем снова трамвайта и опять «выборность». В результате от песни текста остается рожа да пальцы.

Почто порожне протестуют против моего тезиса, высказанного в результате закона. РАПМ и пролетарских песен. Я предлагал «Марш» обязательно, предварительно одобренный Музгизом, политическим советом ЦКР, а также художественной и музыкальной комиссии Мосгорсовета. Тезис марша был принят работой редакцией самого Музгиза. Сейчас, спустя полгодика, вторая музыкальная «Марш» что, и нет — и нельзя, минуту выяснилось, что редактор Лошин [illegible] в нашем мощном, [illegible] международной поэзии, которого могут [illegible] с [illegible] дипломатического порядка между СССР и [illegible] страны.

Редактор Лошин сказал, что:

«Кремлю за все границы:

— Война, война»

[illegible] стремление к [illegible] в [illegible] для [illegible] нам [illegible] к [illegible]

Без всего ведома первую строку [illegible] мы будем [illegible]. Но [illegible] Неумолимая редактор т. Лошин [illegible] и [illegible] стиль, [illegible] политическая [illegible].

Таким образом [illegible] «Война, война» объявляет [illegible].

Для чего этого нужно [illegible] что в Лошине не [illegible]. Его [illegible] «[illegible]» [illegible], которого он и проводить, редактируя тексты [illegible].

Я [illegible] с руководителем Музгиза и редактором из РАПМ с просьбой [illegible] и это дело и поставить «дипломата» на свое место.

АРК. СИТКОВСКИЙ

на фабриках книги

новые рассказы и. бабеля

ГИХЛ сдал в производство и в ближайшее время выпустит из печати сборник новых рассказов И. Бабеля. В сборнике не читается и рассказ «Арамаис», который был [illegible] в произведении «Конармия», но не включен в нее автором, который считал рассказ недостаточно обработанным. Теперь, после тщательной обработки, рассказ пойдет в новый сборник.

Часть новых рассказов И. Бабеля печатается в ближайших номерах журналов «Новый мир» и «Октябрь».

собрание сочинений а. блока

В «Издательстве писателей в Ленинграде» выходит полное собрание сочинений А. Блока. Последний сборник состоит из четырех книг стихов, одна поэма, драматические произведения, переводы и [illegible] (1904—1921). Последний том выходит [illegible] в [illegible] и [illegible] сочинений [illegible] Л. Лунацарский, В. Н. Неверский и В. А. Десницкий.

⁂ В издательстве «Федерация» выходит роман Л. Сверчкова — «Жизнь», посвященный революции 1905 г. [illegible] С. Бунцева — «Пять и [illegible] Д. Уленского — «Жизнь [illegible]», [illegible] М. Семенова и др.

⁂ В ленинградском издательстве «Молодой большевик» выпущен под редакцией Б. Ковалевского альманах, в котором представлены [illegible] «Молодняка» [illegible] и [illegible].

⁂ Украинское издательство [illegible] «Гарт» выпускает под редакцией И. Мыкитенко [illegible] ВУСПП А. Шмигельским сборник «Индустриальный [illegible]», посвященный художественному отображению социалистической реконструкции советской Украины.

⁂ Издательство художественной литературы Украины (ДИМ) выпустит в начале [illegible] Дмитрия Белого [illegible] Стихотворения переводит М. Семенков и др.

в стороне от рабочего призыва

журнал „сказ“ плетется в хвосте

«СКАЗ» — [illegible] литературно-художественный журнал, выходящий в Ростове н/Д.

Журнал должен отразить литературную [illegible] Сев.-Кав. края. Очень важно то, как решился журнал осуществлять лозунг РАПП о призыве ударников в литературу и показе героев.

Перед нами [illegible] чистенькие, аккуратно в иллюстрированных [illegible]. По работы ударники участия в журнале **не принимают.** Лишь [illegible] на последней странице, там, где обычно печатают объявления, можно случайно встретить и рабкора-ударника, призванного в литературу.

Редакция журнала, положительно не интересуется призывом ударников в литературу. Журнал замкнулся в тесном кругу и явно оторвался от массового рабочего читателя. Поэтому-то журнал и не доходит до него.

Надо положить конец смазыванию такой важнейшей политической работы, как призыв ударников в литературу.

БОР. ВЕРОВ

Г. Шахты Сев.-Кав. край.

об ошибках и. беспалова

В письме на о переродлостве и меньшевиствующих ошибках Плеханова, проведенной Институтом ИКП бюллетеня, серия докладов о меньшевиствующем и кулацкие в литературоведении, представленном группой Беспалова, заявляется одним из последних докладов.

Сама Беспалова с теориями Переверзева и Плеханова проанализировала в своих докладах т. Динамов и Войтинская.

— Анализ философских основ беспаловской школы будет дан нее сверхсрочным уклоном, — сказал т. Динамов. — Беспалов отличается в том, что сочетает свободу своей философии в отношении субъекта к объекту. Беспаловским трактовки чисто переверзевского порядка на прочном утверждении Переверзева, что субъект существует в объекте, сознание в бытии. Это почему отсюда вывод за собой и всевозможные ошибки беспаловской группы.

Теоретиком принимает Плеханова целиком, как мыслитель, а не с точки зрения социальной группы и сводится переверзевские мысли с усовершенствованиями Плеханова. Эта приводит к тому, что у Беспалова литературоведение, на которого нельзя классовой борьбы, отношения лишь абстрактной, **игрой в определения.**

Тов. Войтинская подробно излагает теоремы Беспалова, которые он заимствовал от Плеханова, и приходит к выводу, что работы Беспалова и Плеханова представляют собой эклектическое соединение более из ошибочных положений Гегеля, Канта, Богданова и Плеханова.

Л. Г.

конкурс на лучшее произведение о хозяйственнике

Клуб работников и продолжающих хозяйства им. Ф. Э. Дзержинского организует литературный конкурс на лучшее литературно-художественное произведение на тему хозяйственников—руководителей, рабочих, сотрудников и руководителей предприятий и хозяйств, на новых темах и новых темпах: работы соцсоревнования, ударничества, нечистого производства, хозрасчета и т. д.

Выбор темы, формы и размера произведений предоставляется самим авторам произведений. Размер — 5 печатных листов. Конкурс срок предоставления рукописи — 1932 г. Для авторов лучших произведений установлены две премии: первая — 1.000 рублей, и вторая — 2.000 р. Премии выплачивает клубом РПК им. Дзержинского по итогам конкурсного выбора, выдержанного выбором от издательства. В случае присуждения первой премии рукопись выдается, выпущенным из печати после опубликования лучшей рукописи, автору будет выплачено 2.000 рублей.

Произведения клуба берут на рассмотрение необходимых материалов Советам и ознакомлению с производством, выдающим работы и опыт хозяйственников, специалистов и пр.).

За всеми справками по конкурсу просят обращаться по адресу: Москва, Мясницкая, 7, клуб им. Дзержинского, тел. 2-19-98, тов. Конецкому.

работа массового отдела гихл

На последнем заседании рабочего редсовета ГИХЛ был заслушан доклад заведующего массовым отделом т. Чаплина. Подробно обсуждены планы массового отдела, намечены пути развития и роста, так и дальнейшего.

Планом массового отдела было сотрудничество с [illegible] 30 изданий, в дальнейшем [illegible] [illegible] [illegible]